ЖУРАВЛЕВ В. К.

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ФОНОЛОГИЯ. СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

1. Динамическая (историческая, диахроническая) фонология зародилась одновременно с фонологией вообще. Основоположник фонологии, Н. С. Трубецкой [1], шел от истории, диахронии, [2], но сосредоточился на синхронии, на фонологии статической. Инициатором фонологического подхода к проблеме звуковых изменений справедливо считается Р. О. Якобсон, друг и соратник Трубецкого, его однокашник по Московскому университету. В 1931 г. были опубликованы «Принципы исторической фонологии» [3] Якобсона. Это и было «годом рождения» новой лингвистической дисциплины, появление которой означало революцию в историческом языкознании. И не только в языкознании. Это — одна из первых частных теорий структурных преобразований, актуальность которых осознается лишь сегодня во многих отраслях современного знания.

Центральная идея нового подхода к истории языка: «Изменяется не отдельный элемент, а целостная система». Во главу угла поставлен принцип системности как проявление принципа всеобщей связи, а тем самым и принципа причинности, принципа развития, историзма. Опираясь на эти принципы, наука осознала возможность и необходимость взять на себя экспланаторные функции. Теперь, как писал Е. Д. Поливанов в рецензии на книгу Якобсона [4], послужившую эмпирическим фундаментом для «Принципов...», недостаточно описать исторические факты, необходимо вскрыть внутреннюю логику всей системы, выявить причины и механизм, движущие стимулы изменения целостной системы и отдельных ее элементов, дать «логически разъясненную картину всей данной эволюции, т. е. всей истории восточнославянской, или русской, фонологической системы от древнейшего из доступных компаративному анализу состояний до современности» [5, с. 135].

Показательно, что новая научная дисциплина зародилась в недрах отечественного языкознания, ее первым пробным камнем, на котором оттачивались и апробировались новые методы историко-лингвистического анализа, был материал истории русского и славянских языков. Это — беспрецедентное свидетельство зрелости отечественной славистики. Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов, И. А. Бодуэн де Куртене, А. И. Соболевский и их ученики так обработали и систематизировали славистический материал, что как бы сами собой напрашивались выводы общелингвистического, общенаучного значения. Любая наука вступает в фазу зрелости с того момента, когда в ней складывается и осознается необходимость дать и действительно дается объяснение явлений, а не только их описание. Представляя к присуждению академической премии труд своего зарубежного коллеги Яна Гебауера по истории чешского языка, А. А. Шахматов впервые четко сформулировал задачу «исторической грамматики»: она должна исследовать не историю отдельных звуковых явлений, а целостные звуковые системы, ибо «история отдельных звуков стоит в тесной, неразрывной связи с историей всего звукового состава» [6, с. 35]. Оставалось вскрыть механизм такой связи... С этой цитаты и начинается первый в истории мировой лингвистики опыт исторической фонологии. Этот опыт предпринял в 1929 г. Якобсон [4]. Лишь спустя два десятилетия был предпринят второй опыт осмысления и обработки «истории звуков» при помощи методов новой историко-лингвистической дисциплины. В 1949 г. опубликована историческая фонология французского языка [7].

Новая научная дисциплина вышла за пределы своей славистической «прародицы». Еще через два десятилетия появилось фундаментальное обобщение ее первых результатов, приемов и принципов. В 1955 г. на французском языке вышел «Трактат диахронической фонологии» А. Мартише [8].

Развитие исторической фонологии и ее превращение в фонологию диахроническую прямо или косвенно, непосредственно или опосредованно связано с осознанием теснейшего родства диахронической фонологии с материалистической диалектикой, наукой о наиболее общих законах развития. Диалектическая логика требует рассматривать предметы и явления реальной действительности, их отражения в сознании и науке в их развитии, изменении, самодвижении. Источник движения — прежде всего внутренние противоречия.

2. Полувековая история нашей молодой науки накопила несколько фундаментальных противоречий, выявление, вскрытие и снятие, разрешение которых и может быть залогом и стимулом ее дальнейшего развития.

Первое противоречие вскрыл М. И. Стеблин-Каменский. Создавая оригинальную диахроническую концепцию, он отмечал, что историческая фонология зародилась как наука экспланаторная, но по мере ее продвижения на Запад и, особенно, в США, усиливался ее описательный, дескриптивный характер с сознательным или бессознательным исключением принципа причинности. Поиски точных методов и приемов «корректного и непротиворечивого описания» как единственно научной задачи становились признаком научной респектабельности не только зарубежных, но и отечественных историков языка. «Никакая наука, изучающая явления, протекающие во времени, не может игнорировать причинно-следственные связи тех явлений, которые она изучает, — писал Стеблин-Каменский, — и, следовательно, их не может игнорировать и диахроническая фонология» [9].

Значит, реабилитировать, развить и усовершенствовать экспланаторные функции нашей науки, опираясь на принцип причинности как часть принципа всеобщей связи — первостепенная задача диахронической фонологии. Причинно-следственные связи звуковых изменений — это прежде всего их связи между собой, а затем с различными языковыми и, далее, — с неязыковыми явлениями и процессами. Их-то в строго определенной последовательности, отражающей иерархичность связей в реальной действительности, и должна изучать диахроническая фонология. Не следует забывать заветы Ф. Ф. Фортунатова, сформулировавшего более ста лет тому назад задачи исторического языкознания: наука стремится узнать причины и связи явлений.

Второе противоречие вскрыл Е. Д. Поливанов. Оно заключается в том, что язык, бесспорно, «есть явление социальное» [5, с. 178], но сам «материал эволюции», язык и «технические законы языкового развития» невыводимы, «исходя исключительно лишь из внеязыковых данных...». Действительно, «совершенно нелепым упрощением будет попытка объяснить все факты современного, например русского, языка экономическо-политической историей последних ста, трехсот или пятисот, а тем более последних двадцати лет...» [5, с. 181].

В самом деле, историческая фонология нацелила внимание исследователя на поиск внутренней причинности, на идею самодвижения, саморазвития. Трудно найти сколько-нибудь образованного лингвиста, который не понимал бы либо сознательно отрицал или игнорировал связь развития языка с развитием общества. Однако гораздо труднее найти лингвиста, который бы не лишал фонологическую систему атрибута развития. Многие отечественные и зарубежные лингвисты предпочитали видеть стимулы фонологической эволюции где угодно (антропофоника и психология, языковые контакты, субстраты и адстраты, экономика и культура, удовлетворение возрастающей потребности общества и т. п.), но не в самой фонологической системе, не в ее внутренних противоречиях. Все развивается, а фонологическая система лишь пассивно воспринимает внешние толчки,

реагируя на изменения в морфологии, по мнению одних лингвистов, либо время от времени восстанавливая порядок, постоянно разрушаемый стихийными силами фонетики, по мнению других. В свое время Е. Д. Поливанов [5, с. 181] писал, что такой подход к изучаемым явлениям был характерен для научно-философского мировоззрения XVIII в. до появления лингвистической концепции младограмматиков, до диалектики Гегеля.

Реабилитировать атрибут развития фонологической системы с важнейшим источником с а м о д в и ж е н и я во в н у т р е н н и х п р о т и в о р е ч и я х — актуальнейшая задача нашей науки.

Принцип всеобщей связи и системности требует соблюдения строгой иерархичности связей внутренних и внешних, внутрисистемных и экстрасистемных, лингвистических и экстралингвистических. Внутренние связи и стимулы важнее, сильнее внешних. Любая живая система обладает определенными силами самосохранения, противодействия внешним толчкам. Тенденция сохранения коммуникативной пригодности — важнейшее свойство языка вообще и его фонологической системы в частности.

Диахроническая фонология должна стать не только наукой об изменениях, как это считалось до сих пор, но прежде всего — о самосохранении, точнее — о с а м о с о х р а н е н и и с а м о р а з в и т и и ф о н о л о г и ч е с к о й с и с т е м ы.

Выяснение механизма самосохранения, устойчивости фонологической системы — важнейшая задача нашей науки.

Диахроническая фонология не может и не должна искать причины исторических изменений непосредственно в социальных факторах и прочих внешних толчках, не исчерпав предварительно всю мощь своих методов и приемов. Наука становится самостоятельной там и тогда, где и когда она захочет и сможет решать свои задачи на собственном материале, своими собственными инструментами, приемами и методами. Лишь полностью исчерпав разрешающую силу фонетики и фонологии, можно передать неразрешенный остаток морфонологии, затем грамматике данного языка и т. д. Лишь проследив внутрисистемные связи, можно передавать неразрешенный остаток в распоряжение теории языковых контактов, а затем и социолингвистики, истории общества и т. д.

Именно такой подход сделал в свое время историческое языкознание наукой точной. Постулат о непреложности, безысключительности фонетических законов был дополнен «процедурой» передачи «неразрешенного остатка» в виде исключений из этих законов в сферу действия аналогии, иноязычных заимствований и т. д.

3. Парадигма диахронической фонологии классических концепций Якобсона — Мартине остается недостроенной. Весьма сочувственно и объективно излагая их, фон Вартбург констатировал: «...diachronic phonology is still in its infancy» [10].

Новая массачусетская фонологическая концепция 1952—1956 гг. [11] в принципе панхронична, статична, она нацелена на совершенствование процедуры описания, на типологию. Первые попытки ее применения в исторической фонологии убедительно показали, что она может быть использована лишь в процедуре описания инвентаря фонем и объема дифференциальных признаков по «синхронным срезам». Сама динамика изменения фонологической системы между произвольно избранными синхронными срезами остается вне пределов разрешающей способности этой концепции. Методика описания по синхронным срезам остается в рамках описательной, дескриптивной, синхронной фонологии.

Опыт генеративистской модификации этой концепции, направленный на историческое языкознание, по справедливой оценке Й. Вахка [12], нацелен лишь на разработку процедуры описания и не ставит своей целью вскрытие причинно-следственных отношений. Любопытно, что наиболее удачные генеративистские опыты хронологической иерархизации «правил» звуковых изменений чем-то напоминают ранние работы по исторической фонетике праславянского языка Н. С. Трубецкого [2] предфонологического этапа его творчества. Да и сами генеративисты подчеркивают, что они работают «на аллофонном» (т. е. собственно звуком, а не

фонемном) уровне. Их формула звуковых изменений $A \rightarrow B / \frac{x-y}{z}$

(заменя А на В в окружении $\frac{x-y}{z}$!) напоминает общую формулу фонетических законов младограмматиков. А тем временем фундаментальные идеи и понятия исторической фонологии постепенно уходили в разряд «устаревших» либо просто забывались, но не всюду и не совсем.

Относительно большой интерес диахроническая фонология вызвала в нашей стране. М. И. Стеблин-Каменский, Э. А. Макаев, А. А. Реформатский и их ученики пропагандировали и совершенствовали нашу науку, апробируя ее методы на материале языков славянских и германских, скандинавских и романских, а также на материале истории русского, английского и других языков.

4. Основоположники исторической фонологии декларировали, что ее героем должна стать целостная фонологическая система. Однако фактически в центре внимания Р. Якобсона оказалась лишь отдельная фонологическая оппозиция. Это она, оппозиция, зарождается либо умирает или трансфонологизируется. Формула мутации фонологической оппозиции

$$(A_1:B_1) \rightarrow (A_2:B_2) \quad (1)$$

включает в себя фонологизацию ($B_1 = 0$), дефонологизацию ($B_2 = 0$) и трансфонологизацию. Отдельные оппозиции еще не целостная фонологическая система. Каким образом эти оппозиции и мутации связаны между собой? Это осталось за пределами концепции Р. Якобсона [3, 4].

Ответить на этот вопрос попытался А. Мартине, поставив во главу угла своей концепции корреляцию как взаимосвязь рядов и серий, объединенных общностью признака. При этом выпало фундаментальное понятие оппозиции, а вместе с тем и формула мутации.

Каким образом осуществляется связь между корреляциями, а тем более между фонологизациями и дефонологизациями? Появление массачусетской фонологической концепции Р. Якобсона и его сотрудников [11] обусловило надежду, что героем фонологии станет дифференциальный признак. В какой-то мере это позволяло вскрыть механизм фонологических изменений (переразложение дифференциальных признаков на фонемном стыке, их трансфонологизация и т. д.). Однако проблема связи между дифференциальными признаками остается открытой.

Истинный же герой диахронической фонологии, целостная фонологическая система, все еще стоит у порога нашей науки. Только тогда, когда ее предметом станет эволюционирующая система, все явления и процессы звуковой истории данного языка как бы сами собой выстроятся в непрерывную цепь событий, связанных причинно-следственными отношениями. Но что же связывает фонологическую систему именно в целостную систему, каковы ее системообразующие факторы?

В центре внимания Р. Якобсона, как и А. Мартине, — парадигматика, в то же время все заделы дофонологического этапа нашей науки лежат, наоборот, в синтагматике. Что это? Парадокс или непроходимая грань? Может быть, парадигматика и есть фонология, а синтагматика — это фонетика? Или, если и то и другое фонология, не следует ли различать две фонологии: «парадигмофонологию» и «синтагмофонологию»? Оба решения бытуют в нашей науке. Однако если найти связь между парадигматикой и синтагматикой в единой фонологии, то можно было бы синтезировать достижения младограмматиков и фонологии. Путь такого синтеза наметил М. И. Стеблин-Каменский. Он включил в диахроническую фонологию как парадигматические, так и синтагматические «фонемные изменения» [13, с. 15] и предложил фонологическую интерпретацию феномена непреложности звуковых законов младограмматиков [13, с. 11].

Как заметил П. Ивич [14], в концепции Якобсона (1929—1931 гг. и 1952—1956 гг.) нет места фундаментальному понятию оппозиции. Это-

го нет ни у Мартине, ни у Хёнигсвальда и их последователей. Однако позиция, «фонетическое окружение» — важнейший фактор звуковых изменений в концепции младограмматиков. Бесспорно, что связано с концептуальным отношением к парадигматике и синтагматике. Между прочим, генеративисты реабилитировали понятие позиции, «окружения».

Фонологическая позиция — важнейший системообразующий фактор так называемой московской фонологической концепции как для синхронии, так и для диахронии. Без понятия позиции не может быть и понятия фонемы. А. А. Реформатский сформулировал фундаментальное положение нашей науки: позиция — «важнейшие объекты исторической фонологии, и сама историческая фонология — это прежде всего история позиции» [15, с. 119]. Он наметил пути реализации этого положения в историко-фонологических исследованиях.

«Краугольным камнем» классической общей фонологии является нейтрализация, позиционное снятие противопоставления [1, с. 87]. Однако в исторической фонологии Р. Якобсона [3, 4] ее нет, как нет и фундаментального понятия позиции. А. Мартине, много уделивший внимания явлению нейтрализации (и не только фонологической) в синхронии, не нашел ей места в своей диахронической фонологии. На важность нейтрализации в исторических изменениях указывал Э. А. Макаев [16]. Задача состоит в том, чтобы включить фундаментальное понятие нейтрализации в понятийный аппарат диахронической фонологии.

5. В науке, как и в искусстве, новое не отвергает красоту старого, а включает ее в свой золотой фонд. Известная книга Мартине [8] — изящная мозаика из драгоценных камней традиционной исторической фонетики, скрепленных своеобразно понятием «принципом экономии». В этом причина ее успеха. Здесь решалась задача установления связи новой научной дисциплины с традиционной исторической фонетикой, авторитетнейшим разделом мирового языкознания. Читая название книги «*Économie des changements phonétiques*», можно подумать, что в ней идет речь о звуковых изменениях в традиционном понимании и об одном из традиционных способов их объяснений с помощью «принципа экономии произносительных усилий», сформулированного еще в конце XIX в. (Г. Суит, П. Пасси и др.). И лишь в подзаголовке более мелким шрифтом дано название, отражающее истинное ее содержание «*Traité de phonologie historique*». Внутренняя логика развития исторической фонологии требовала синтеза с достижениями младограмматиков. Она могла появиться на свет, лишь резко порвав с классической исторической фонетикой, в недрах которой зародилась. Р. О. Якобсон противопоставил «изоляционизму» младограмматиков «интегральный» метод новой науки [3]. Ее дальнейшее существование и успешное развитие стало возможным лишь при условии освоения богатейшего наследия, накопленного предшествующими поколениями лингвистов. Это и пытался сделать А. Мартине, но вопрос заключается в том, не остались ли некоторые существенные достижения предфонологического этапа за пределами его замечательной книги и вне сферы его внимания?

Анализ эволюции идей показал, что за пределами концепции А. Мартине остались наиболее фундаментальные ее достижения предшествующего этапа. Это, во-первых, младограмматическая концепция непреложности фонетических законов и основанная на ней процедура установления относительной хронологии звуковых изменений. Это, во-вторых, конвергентно-дивергентная теория Е. Д. Поливанова [5, с. 57 и сл.], ядром которой является тесная взаимосвязь и взаимообусловленность процессов расщепления и слияния фонем. Впрочем, это в какой-то мере объяснимо. Именно в романистике [17] раньше и сильнее проявился скепсис к постулату непреложности фонетических законов, выдвинутому германистами и славистами. Эмпирический материал, которым традиционно располагала романистика, зачастую вступал в противоречие с этим постулатом.

А между тем на базе выявленных фонетических законов и относительной хронологии вполне надежно установлены последовательные цепи от-

дельных звуковых изменений на основе их внутренней взаимосвязи и зависимости от мены позиций. Опираясь на поливановское положение о взаимосвязи конвергенций и дивергенций, идя от реконструируемой дивергенции к конвергенции, от нее — к последующей дивергенции, можно реконструировать весьма значительные фрагменты фонологической системы в ее динамике. Необходимо лишь решить парадокс фонетических законов, выяснить, почему принципиально безысключительные законы обязательно должны иметь исключения в истории языка. Решение этого парадокса намечено М. И. Стеблиным-Каменским. Необходимо выявить причины и механизм появления, функционирования и отмены фонетических законов. Прежние достижения науки должны включаться в новейшие научные концепции как частый и предельный случай. Это — общенаучный «принцип дополнительности» Нильса Бора. Постулат непреложности фонетических законов — фундаментальное положение исторического языкознания — вместе с огромным эмпирическим материалом, собранным усилиями многих поколений отечественных и зарубежных ученых, необходимо включить в целостную современную концепцию звуковых изменений как вполне достоверные «предельные случаи», строго определив сферу их достоверности. Вместе с этим будет включена и концепция Е. Д. Поливанова, базирующаяся в конечном счете на постулате непреложности фонетических законов.

6. В целостной концепции должна быть прежде всего установлена строгая иерархия звуковых изменений, их основные типы: 1) фонетический, 2) фонологический, 3) морфофонологический, 4) социолингвистический.

Первый, фонетический тип — это аллофонное варьирование фонем в определенных фонетических (позиционных) условиях. Фонетические законы — это законы аллофонного функционирования фонем в данном синхронном состоянии данного языка. Они действительно непреложны, действуют автоматически и, как правило, не замечаются носителями данного языка и не отражаются на письме.

Сущность фонетического закона можно схематически выразить формулой:

$$L \left\{ \begin{array}{l} a > b \\ P \end{array} \right\} T_i \quad (2)$$

Звук (а) регулярно переходит в звук (b) в строго определенных позициях (P) в данном языке (L) на данном этапе его развития (T).

Для того, чтобы такое аллофонное варьирование стало замеченным и осознанным, должны быть нарушены параметры P, T, L, т. е. должны появиться исключения, в позиции P должно встречаться не только (b), но и (а). Вот почему фонетические законы, будучи безысключительными в эпоху своего функционирования, не могут оставаться без исключений в истории языка. Накопление такого рода исключений и есть процесс фонологизации прежних аллофонов.

Сущность второго, фонологического типа и заключается в процессе фонологизации аллофонов, в превращении прежних позиционных вариаций в самостоятельные фонемы путем выхода из состояния дополнительного распределения, продиктованного прежним фонетическим законом функционирования. Фонетический закон отменяется новым законом и дальнейшим конвергентно-дивергентным процессом. Следует вспомнить соответствующие формулы Поливанова:

$$[a \rightarrow b]_{P,T} \rightarrow c \quad (3)$$

$$a \times b_{P,T} \rightarrow c \quad (4)$$

Так, праславянская дивергенция $k \rightarrow k:-\check{c}$, начатая как фонетический процесс $\frac{k > \check{c}}{i, e}$, породивший позиционные аллофоны $k//\check{c}$, становится фонологической в результате действия нового фонетического закона $\frac{\check{e} > \bar{a}}{\check{c}}$,

отменившего старший закон. Появилась позиция различения прежних аллофонов $\frac{k:\check{c}}{a}$, они стали самостоятельными фонемами.

Дивергенция $k \rightarrow k:-\check{c}$ оказалась тесно связанной с конвергенцией $\bar{a} \times \bar{e} \rightarrow \bar{a}$, ср. русск. *крика* — *кричатъ* (*kričati* < *krikēti*). В истории восточнославянских языков дальнейший процесс фонологизации новой оппозиции ($k : \check{c}$) связан с конвергенцией $\check{c}_1 \times tj \rightarrow \check{c}$, ср. русск. *свет* — *свеча*.

Третий тип звуковых изменений — м о р ф о л о г и з а ц и я. Если первый тип изменений не зависит от слов и форм, а лишь от фонетических позиций, а второй освобождает прежние аллофоны от позиционной зависимости, то третий усиливает влияние слов и форм на функционирование фонемы, что и подвигло младограмматиками под действие аналогии. Аналогии могут подвергаться лишь самостоятельные фонемы, а не аллофоны, не позиционные вариации. Это — продолжение процесса фонологизации, а потому и необходимого увеличения числа исключений из прежнего фонетического закона. Морфонологизация x как форманта местн. мн. (*женахъ, селахъ*) стала возможна лишь после появления фонетическим путем таких форм, как *костѣхъ, рабѣхъ, сынѣхъ*, как продолжение фонологизации новой оппозиции ($s : x$), ср. русск. *о нас, о селах* и т. п.

Однако «проблема исторических изменений состоит не только в выяснении того, как появился тот или иной элемент фонетической системы, но и в том, каким образом он становится фактом языковой традиции, в каких функциональных, культурных условиях происходит этот процесс» [18]. Это и есть четвертый тип звуковых изменений, их социализация. В самом деле, языковые инновации могут быть приняты либо отвергнуты языковым коллективом. Это он отбирает из нескольких вариантов возможного произношения того или иного слова наиболее подходящий, наиболее престижный. Атлас Жильерона показал, что каждое слово имеет свою географию и историю [17]. У. Лавов [19] убедительно доказал, что звуковые изменения идут из более престижной языковой группы в менее престижную от слова к слову... Это — социализация, здесь действуют законы социолингвистики. Для каждого типа звуковых изменений должен быть свой ключ. Ключ фонетических законов существует для первого типа звуковых изменений и не может открывать все двери. Фактический материал лингвистической географии и социолингвистики не может опровергать постулат непреложности фонетических законов. Процесс отвердения прежнего мягкого /г'/ в позиции перед заднеязычным в современном русском языке не является фонетическим законом, он идет от слова к слову, от одной социальной группы к другой, ср. *церковь*, но *церковник, зеркало*, но реже, устар. *зерькало*. Выбор мягкого или твердого варианта отдельного слова стал возможным благодаря принципиальной допустимости сочетаний /г'k/ ~ /gk/, ср. *горка* — *горько*. Это — сильная позиция для фонологической оппозиции ($r' : r$).

7. Что касается целостной научной концепции, поставившей своей целью завершение парадигмы Яковсона — Мартина, то ее главным героем становится не фонема или не дифференциальный признак, но оппозиция или корреляция, а наконец-то вся фонологическая система в целом.

Синтез классической пражской концепции с ее вниманием к оппозициям и корреляциям и московской с ее ведущим понятием позиции как основным системообразующим фактором выдвигает во главу угла интегрирующие факторы, и н т е г р и р у ю щ и е свойства системы. Это она, интеграция, создает, формирует и движет фонологическую систему. Только теперь становится понятным положение Яковлева и Реформатского [15, с. 245] о важности «и н т е г р а л о в» в фонологической системе. Для системы и ее элементов важна не только дифференцирующая функция («различительная способность»), но и интегрирующая, обуславливающая ее внутреннюю целостность и взаимосвязь элементов, ее составляющих. Выявляя системообразующие факторы, можно заметить, что сами фонемы

выступают не только в роли пассивных элементов, лишь поджидающих, чтобы нечто их дифференцировало и связывало, но и сами они, фонемы, имеют интегрирующую функцию, «сшивая» отдельные оппозиции и корреляции в целостные пучки и блоки.

Мощным системообразующим фактором оказалась нейтрализация [20] фонологических оппозиций. Это она интегрирует, связывает фонемы и оппозиции, позиции и корреляции в нечто целое. Аккомодации и коартикуляции, да и сами нейтрализации, из деструктивного фактора, как это считалось раньше, из фактора, нарушающего и ослабляющего смысловозначительную (дифференциальную) силу, превращаются в фактор интеграции, связи фонологической системы в единое целое. Проигрыш в дифференциации (смысловозначительной силе) компенсируется выигрышем в интеграции, связанности, целостности системы.

До сих пор лингвисты занимались звуковыми, фонетическими, фонологическими и з м е н е н и я м и, в центре внимания была проблема и з м е н ч и в о с т и. Теперь, в связи с выдвиганием во главу угла интеграции и системообразующих факторов, внимание исследователя как бы само собой переносится с изменчивости на у с т о й ч и в о с т ь, на диалектику самосохранения и самодвижения. Да и сами движущие стимулы такого самодвижения становятся самоочевидными, вполне ощутимыми.

Естественно, наиболее устойчива та фонологическая система, тот ее отдельный блок, которые лучше, сильнее интегрированы всей мощью системообразующих факторов. Наиболее вероятно изменение там, где интегрирующие связи слабее. Наиболее вероятно такое изменение, которое будет способствовать усилению интеграции системы. Проследивая последовательную цепь системообразующих связей и выявляя ее внутренние противоречия, можно определять наиболее слабое звено, предсказывать наиболее вероятные пути разрешения внутренних противоречий, заключенных в системе.

До сих пор в обобщающих работах по диахронической фонологии давалась типология корреляций, обсуждался инвентарь универсальных дифференциальных признаков. Теперь на передний план выдвигается т и п о л о г и я н е й т р а л и з а ц и й. Сущность нейтрализации фонологической оппозиции выражается формулой:

$$\frac{a:b}{P_r} \leftrightarrow \frac{c}{P_n} \quad (5)$$

Оппозиция двух фонем ($a : b$), различающихся в позиции релевантности (P_r), снимается в позиции нейтрализации (P_n), где на месте обоих членов выступает нечто третье (c). В наиболее общем виде правила нейтрализации предельно просты: фонологическая оппозиция может нейтрализоваться рядом с членом (в первую очередь маркированным) той же или родственной оппозиции, либо корреляции ассимилятивно или диссимилятивно, регрессивно либо прогрессивно.

На месте непредсказуемых ассимиляций и диссимиляций, аккомодаций и коартикуляций встают строго определенные нейтрализации, детерминруемые дан н о й фонологической системой дан н о г о языка в его настоящем, будущем и прошлом состоянии.

Нейтрализация наиболее характерна для центра фонологической системы. Так, фонемы /t/, /d/, /t'/, /d'/ и т. д., безусловно, являются центральными в русской системе консонантизма. Оппозиции ($t : t'$), ($t : d$) и др. нейтрализуются, нейтрализуются и корреляции (мягкости и звонкости), в которые входят эти оппозиции. Через механизм нейтрализации центр управляет периферией системы, усиливает интеграционные связи периферийных фонем, диктуя порождение аллофонов, способных создать потенциальные оппозиции, заполнить «пустую клетку».

Механизм нейтрализации преодолевает непроходимую грань между автономными княжествами «vocalismus» и «consonantismus», вскрывая родство между вокалическими и консонантными оппозициями. Нередко вокалическая оппозиция (передний — задний ряд, лабиализация) ней-

трализуется рядом с членом родственной консонантной корреляции (мягкость, лабиальность, лабиовелярность) и наоборот.

Нейтрализация связывает парадигматику и синтагматику через позиционное (синтагматическое) снятие парадигматического противопоставления и определяет характер позиций в арировании аллофонов, вызывая к жизни тот или иной фонетический закон как способ создания потенциальных фонологических оппозиций.

Именно через механизм нейтрализации осуществляется качественная и количественная мена фонологических позиций, изменяется сила фонологических оппозиций (F_0) и нейтрализаций (F_n). Через изменение соотношений числа позиций релевантности (дифференциации, d) и нейтрализации (n) осуществляется переход количественных отношений в качественные, формально:

$$E_0 = k \frac{d}{n} (6); \quad F_n = q \frac{n}{d} (7)$$

Сила фонологической оппозиции прямо пропорциональна числу позиций дифференциации и обратно пропорциональна числу позиций нейтрализации. Сила нейтрализации — наоборот. Чем больше коррелятивных пар (k), тем сильнее оппозиция, чем больше нейтрализующихся пар (q), тем сильнее нейтрализация. Изменение соотношений ($d \sim n$) усиливает либо ослабляет данную фонологическую оппозицию. Исчезновение последней позиции дифференциации ($d = 0$) означает исчезновение фонологической оппозиции, ее дефонологизацию, т. е. конвергенцию фонем. Появление хотя бы одной позиции дифференциации ($d = 1$) означает превращение потенциальной оппозиции в реальную, ее фонологизацию, превращение прежних аллофонов одной фонемы в фонемы самостоятельные, т. е. дивергенцию, расщепление фонем. История фонологических позиций становится историей фонологической системы.

Так, через механизм нейтрализации осуществляется конвергентно-дивергентный процесс, фонологизация и дефонологизация фонологических оппозиций как способ отмены фонологических законов. Нейтрализация связывает синхронию и диахронию, снимая известную антиномию Соссюра. Фонологическая нейтрализация выступает в качестве своеобразного ядра противоречий фонологической системы: 1) оппозиция есть (в позиции дифференциации) и ее нет (в позиции нейтрализации); 2) синхронная нейтрализация, оставаясь в синхронии, повернута на диахронию, на конвергенцию либо дивергенцию в прошлом или будущем.

Нейтрализация, став «краеугольным камнем» не только фонологии синхронической, но и диахронической, способствует синтезу пражской общей (Трубецкой) и исторической (Якобсон) фонологии, классической пражской и московской фонологической концепции, традиционной исторической фонетики и фонологии. Это и позволяет включить в целостную концепцию диахронической фонологии постулат непреложности фонетических законов и основанные на нем относительную хронологию, а также конвергентно-дивергентную теорию Е. Д. Поливанова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трубецкой Н. С. Основы фонологии (1939). М., 1960.
2. Troubetzkoy N. S. Essai sur la chronologie de certains faits phonétiques du slave commun.— RES, 1922, 2.
3. Jakobson R. Prinzipien der historischen Phonologie.— TCLP, 1934, IV.
4. Jakobson R. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves.— TCLP, 1929, II.
5. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языковедению. М., 1968.
6. [Шахматов А. А. Критический отзыв]: Jan Gebauer. Historická mluvnice jazyka českého. Praha — Viden, 1894.— В сб. ОРЯз, т. LXVI. СПб., 1900.
7. Haudricourt A., Juillard A.— Essai pour une histoire structurale du phonétisme français. Paris, 1949.
8. Martinet A. Economie des changements phonétiques. Traité de phonologie diachronique. Bern, 1955.— (Мартинет А. Принцип экономии в фонетических изменениях М., 1960).

9. *Стеблин-Каменский М. И.* К теории звуковых изменений.— ВЯ, 2, 1966, с. 74.
10. *Wartburg W. von.* Problems and methods in linguistics. Oxford, 1969, p. 49.
11. *Jakobson R., Fant G., Halle M.* Preliminaries to speech analysis.— Technical report of the Acoustics laboratory, 13. Massachusetts, 1952.
12. *Vachek J.* Dynamika fonologického systému současné spisovné češtiny. Praha, 1968.
13. *Стеблин-Каменский М. И.* Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков. Л., 1966.
14. *Ivič P.* Roman Jakobson and the growth of phonology.— Linguistics, 1965, 18.
15. *Реформатский А. А.* Из истории отечественной фонологии. М., 1970, с. 119.
16. *Макаев Е. А.* De la neutralisation des oppositions...— In: La notion de neutralisation dans la morphologie et la lexique.— TIL, v. 2. Paris, 1958.
17. *Gilliéron J., Roques M.* Mirages phonétiques.— Étude de géographie linguistique. Paris, 1912.
18. *Степанов Г. В.* К проблеме языкового варьирования. М., 1979, с. 162.
19. *Лабов У.* О механизме языковых изменений.— В кн.: Новое в лингвистике. Вып. VII. М., 1975.
20. Теория нейтрализации. Отв. ред. Руделев В. Г. Тамбов, 1980.